

Научно-исследовательский журнал «*Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 3 / 2025, Iss. 3 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1

Семантическое единство «щедрость/алчность» в диахронии

¹*Светлова С.В.,*
¹*Кубанский государственный технологический университет*

Аннотация: в статье рассматриваются лексический и семантический прототипы концепта «щедрость» и лексическое выражение его антиконцепта (алчность, скопость, жадность и др.). Цель – исследовать семантическое поле концепта «щедрость». Для этого проводится этимологический анализ и применяются методы компонентного анализа. Выбор концепта обусловлен его базовым характером для русской этической концептосферы. Автор приходит к выводу, что общим лексическим прототипом как для свойства щедрости, так и для алчности в значении «жадность, скопость» является действие раскалывания, расщепления, расточения, а семантическим прототипом в рамках семантического единства щедрость-алчность служит концепт-схема «рука». Производные от него слова: *щедрость, щедроты, щедро*. То есть щедрый – тот, кто делится. Расщепляет, отламывает, отделяет от своего и даёт другим. Скупой – делает то же, то есть раскалывает, расщепляет, отделяет, но не делится с другими, оставляет себе. Действие раскалывания, расщепления, таким образом, является лексическим прототипом как для *щедрости*, так и для *скопости и скудости*. Таким образом, семантическое единство щедрость-скудость-скопость-сквердность связано старшим значением корня – *беречь, щадить*.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, антиконцепт, лексический прототип, этимология, этимологический анализ, внутренняя форма слова, щедрость, алчность, концепт-схема, семантическое единство

Для цитирования: Светлова С.В. Семантическое единство «щедрость/алчность» в диахронии // *Modern Humanities Success*. 2025. № 3. С. 20 – 28.

Поступила в редакцию: 4 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 3 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 28 марта 2025 г.

The semantic unity of “generosity/greed” in diachrony

¹*Svetlova S.V.,*
¹*Kuban State Technological University*

Abstract: the article examines the lexical and semantic prototypes of the concept “generosity” and the lexical expression of its anti-concept (greed, avarice, greed, etc.). The purpose is to explore the semantic field of the concept “generosity”. For this purpose, an etymological analysis is carried out and methods of component analysis are used. The choice of the concept is determined by its basic character for the Russian ethical conceptual sphere. The author comes to the conclusion that the common lexical prototype for both the property of generosity and greed in the meaning of “stinginess, avarice” is the action of splitting, desintegrating, waste, and the semantic prototype within the framework of the semantic unity of generosity and greed is the conceptual scheme “hand”. Words derived from it: *generosity, generosities, generously*. That is, the generous one is the one who shares, splits, breaks off, separates from his own and gives to others. A miser does the same thing, that is, he splits, breaks off, separates, but does not share with others, keeps it for himself. The action of splitting, breaking off, is thus a lexical prototype for both *generosity* and *stinginess* and *scarcity*. Thus, the semantic unity generosity-scarcity-avarice-stinginess is connected by the senior meaning of the root – *to cherish, to spare*.

Keywords: linguistic and cultural concept, anti-concept, lexical prototype, etymology, etymological analysis, internal form of the word, generosity, greed, conceptual scheme, semantic unity

For citation: Svetlova S.V. Semantic unity of “generosity/greed” in diachrony. Modern Humanities Success. 2025. 3. P. 20 – 28.

The article was submitted: December 4, 2024; Approved after reviewing: February 3, 2025; Accepted for publication: March 28, 2025.

Введение

Любая лингвокультура обладает национальной спецификой, что обусловлено уникальностью каждого конкретного языка. Можно выделить ряд смысловых значений, отражающих базовые представления данной культуры о том, что «хорошо» и что «плохо», о должном и недолжном и т.п. Это такие концептуальные понятия, как *добро, правда, любовь, свобода, честь, благородство, милосердие, щедрость* и др. И у каждого из этих понятий в языке есть антиномичные корреляты, с которыми они образуют бинарные оппозиции, или «антиномии»: *злоба, ложь, ненависть, несвобода, подлость, жестокость, алчность* и т. п. Если первые представляют собой ценности, то вторые своего рода «антиномии». Каждая из лингвокультур при помощи подобных оппозиций декларирует определенный набор наиболее важных для этноса культурных значений, в том числе лежащих в области этики [6, с. 175].

Материалы и методы исследований

Для максимально полного раскрытия содержательной стороны концепта «щедрость» нами в настоящей работе будет использован метод компонентного анализа, цель которого – разложение языкового значения на минимальные семантические составляющие путём выделения набора семантических признаков (компонентов). Мы начинаем выделение компонентов концепта «щедрость» и различных вербализаций его антисемантика с этимологического анализа.

Ещё А.А. Потебня называл внутреннюю форму «ближайшим этимологическим значением слова» [14, с. 51]. Поэтому, исследуя лингвокультурный концепт, прежде всего необходимо соотнести «внутреннюю форму», то есть этимологию слова и содержание обозначаемого им понятия. Этимологический анализ позволяет выяснить, насколько внутренняя форма слова сохранилась или утратилась в истории словоупотребления. Первоначальный смысл позволяет связать слово с контекстом его употребления в древности – так сказать, с «первобытной концептосферой», – и проследить, как в дальнейшем этот «сгусток смысла» эволюционировал в лингвокультуре того или иного этноса.

Результаты и обсуждения

Этический концепт «щедрость» является универсальным: он встречается в большинстве линг-

вокультур и позволяет судить о том, насколько сходятся, совпадают или в чём разнятся эти культуры относительно идеи личного обладания. Лексема **алчность** и её более употребительные в настоящее время синонимы (*жадность, скопость* и др.) являются различными вербализациями антисемантика **щедрости** в рамках семантического единства. Если с точки зрения традиционной лингвистики, термины-антонимы всегда бинарны, то в рамках семантического единства, включающего концепт и антисемантик, содержание антисемантика может быть представлено множеством различных ЛСВ, связанных иногда этимологически, иногда только семантически или контекстуально.

Этимология русского слова «щедрость» считается затмённой. В работах современных исследователей ей удалено некоторое внимание. Так, С.Н. Долевец, анализируя словарные данные, выводит понятие «щедрости» из понятия «раскалываться на куски» [8, с. 50]. Н.М. Дмитриева исходит из синонимии **щедрости** и **милосердия** и достаточно подробно анализирует вторую константу (термин Ю.С. Степанова [22]), а первую (**щедрость**) только по остаточному принципу, хотя обе константы признаются «базисными» для русской «этической концептосферы» [7, с. 256].

Слово **щедръ** фиксируется в древнерусских источниках начиная с XI века в переводах Псалтири. Это номинативное существительное образованное от прилагательного **щедрый** (др. рус. **щедръ**), как и вариант – **щедроты**.

В Старославянском словаре (по рукописям X – XI веков) находим только 2 лексемы: 1) **щедрота** (чаще мн. **щедроты**) как перевод греч. οἰκτίρμος и ἔλεος (милосердие, сострадание) и 2) **щедръ, -ы** в двух значениях (всё то же οἰκτίρμων – милосердный, милостивый, сострадательный) и великолюдный (калька с греч. μεγαλόφυχος) [21, с. 770].

Вслед за А. Гильфердингом И.И. Срезневский сближает русский корень **щедр-** с санскритским **śidhra** = благочестивый человек (употребляется в Ведах со значением «защитник»). Однако исследователь отмечает также, что более обоснованно слово **щедрый** производить от санскритского корня **sked**, греч. Σκεδάννυμι – *разсыпаю, раскидываю; щедрый – собственно, тот, кто разбрасывает имънье*» [20, с. 1607]. Обратим особое внимание

на эту, как нам представляется, точную этимологию.

М. Фасмер в своем словаре отмечает в слове *щедрый* наличие -e-, что, по его мнению, указывает на заимствование из церковнославянского языка. Приводимые им формы блр. *щчόдры*, ст.-слав. *штедръ*, болг. *щедър*, чеш. *štědry* «щедрый», слвц. *štendrý*, польск. *szczodry*, в.-луж. *šćedry*, *šćedrič* «крошить», н.-луж. *šćodry* «добродушный, кроткий, щедрый» - указывают на праславянский корень **šcedrъ*, который, по-видимому, родствен лтш. *škēdērns* «небольшой кусочек дерева, щепка» и лит. *kedéti* «треснуть», греч. скedávnuμι «раскалываю, рассеиваю» [25, т.4, с. 499].

Таким образом, этимологически русское слово *щедрый* с наибольшей вероятностью связано с общеславянским **scedrъ*. П.Я. Черных в ИЭССРЯ, выделяя -r- как суффикс прилагательного, находит индоевропейскую базу: *(s)k(h)ed- / (s)k(h)end- «раскалывать на мелкие куски, расщеплять», отмечает смысловую близость *щадить* и *скучный*. При этом s- выступает, судя по всему, приставочным образованием, сам же литовский глагол *kedeti* означает «трескаться». (При *kedentī* – «трепать, теребить»). Вывод исследователя представляется достаточно убедительным: значения «щедрый» и «скучный» развились из старшего значения «раскалываться», «расщепляться», «разбиваться на куски», а значит, и «оскудевать», «быть скучным», откуда «беречь» > «жалеть» > «щадить» [26, т. 2, с. 431].

Согласно Толковому словарю под редакцией Н.Ю. Шведовой: *ЩАДИТЬ*, *щажу*, *щадишь*; *щаженный* (-ен -ена); *несов.*, *кого-что*. 1. *Давать пощаду кому-чему-н. Не щадить предателя. Годы не щадят никого* (перен.: о неизбежности старения). 2. *Относиться к кому-чему-н. бережно, с осторожностью, чтобы не повредить, не расстроить. Щадить окружающую среду. Работать, не щадя сил. Щадить чье-н самолюбие. Щадящий режим (в медицине)* || *сов. пощадить, -ажу, -адишь; -аженный ("ен, -ена)* [24, с.1116].

Итак, щадить = забирать себе, беречь. Но кидать, скидывать = тратить, разбрасывать, расщеплять, рассеивать. Беречь – старшее значение.

Все эти параллели выявляют внутреннюю форму русского корня *щедр-*. Её историческая морфология восходит к чертам древнего славянского или даже праславянского быта, где «щедрым» являлся тот, кто раскалывал, расщеплял общее достояние, или нечто целое, и раздавал его другим.

Особый историко-культурный интерес представляет то, что лежит в предметной области этой раздачи. Вода, одежда, еда? Между тем корень

однозначно указывает на дерево, щепу. В том же словаре П.Я. Черных находим формы в значении «расщеплять», «раскалывать», только восходящие к корню *(s)kēp-, от которого образуются такие современные словоформы, как «щипать», «щепа», а по другой линии от той же базы – «скопить», «скопец» (*skor'ь), «скупой» и «скипетр» [26, т. 2, с. 433]. Ср. у Фасмера: греч. σκέπαρνος, -ον «топор», σκάλπω «рою, рублю», д.-в.-н. skaft «древко, копье», далее сюда же скопéц... Наряду с этим представлено *skoip-: *skeip-: *skip-, ср. др.-русск. щьпъ «ущерб, вред, убывание луны», щьпъ – то же, *scēpati (см. скепать), сербохорв. цијепати «колоть, щепать», словен. сérati «расщеплять», сéríti – то же; ср. греч. σκοῖπος ἡ ἐξοχητῶνξύλωνεφώνεισινοίκεραμοι (Гесихий), σκίπων «посох» [25, т. 4, с. 503].

Приведём современные словарные значения слов «щепа» и «щепать»:

ЩЕПА -ы, также собир., мн. щепы, щеп, -ам, ж. 1. То же, что щепка. Челн разился б щепы (на мелкие части). 2. То же, что дранка. Дом крыт щепой. || прил. щепной, -ая, -ое. ЩЕПАТЬ, щеплю и щепаю, щеплеши и щепаешь; щепля и щепая; несов., что. Откалывать тонкими слоями, щепками (дерево). Щ. лучину. || сущ щепление, -я, ср. || прил щепальный, -ая, -ое (спец.) [24, с.1117].

Здесь становится ясно, что щепа – это результат щепания, расщепления (без обязательной привязки к раздаче или, наоборот, собиранию). Можно высказать предположение, что щепа выступала в качестве древней формы денег. Это подтверждают, во-первых, исторические источники, утверждавшие, что слово рубль образовано от глагола рубить (ср. современное груб. простореч.: «рубить бабло»), и рубль являлся продуктом рубки. Во-вторых, по-видимому, к тому же историческому пласту относится выражение «деревянный рубль», который сегодня выступает в качестве фразеологизма с метафорическим значением, но вполне можно предположить, что в определенную историческую эпоху рубль в буквальном смысле был деревянным.

Достаточно очевидно также, что в этом же семантическом поле находятся и орудие труда – серп. Тем более, что метафорическое выражение «серп луны» относится как раз к неполной (то есть ущербной) луне.

То есть, русский корень *щерб-* со значениями слов «ущерб, ущербный, щербина» тоже находится в данном семантическом поле и, очевидно, со-поставим в некоторых аспектах. А именно – в семантике «расщепления», «щербления», «отрубания».

Подводя предварительный итог, сводя воедино

эти историко-этимологические данные, мы получаем следующую картину.

Три индоевропейских корня ***(s)ked-**, ***(s)ker-** и ***(s)ker-** обнаруживают очевидное родство. Все они связаны действием «отделения», «расщепления», «раскалывания», предполагают чем-то подобные орудия труда (топор, нож, серп), и обозначают *результат, по которому, по-видимому, и различаются*. В одном случае это *щепа* или *щерба* (зарубина, выбоина), в другом – *скуда, оскудевание*.

В современных европейских языках производные от данного и.-е. корня представлены слабо. Есть исключения: третье значение норвежского SKATE: III -et (-a), -et (-a) *обрубать (ветви, верхушку дерева)* [3, с. 181] и современные английские существительное и глагол SCARI 1) **рубец, шрам**. *the cut will not leave any ~ – после этого пореза не будет шрама a ~ from the bite of a dog – след от укуса собаки 2) глубокий след, рана such sorrow leaves a ~ – такое горе оставляет неизгладимый след в душе a ~ upon one's good name – пятно на репутации 2. глубокая царапина (на дереве, камне и т.п.) the ~s of bullets on the door – дырки /вмятины/ от пуль на двери* [10, с.153].

Другим общим важным результатом является обозначение орудия власти – *скипетр* (посох, жезл). Это впоследствии станет знаком власти того, кто даёт, раздаёт общественные блага. Общее в результате – потеря, ущерб, отсутствие или осколок некогда чего-то целого. А также стремление сберечь нечто, щадить = жалеть. Но, чтобы пощадить кого-то, его надо или забрать себе под руку, хранить и беречь, либо – наоборот: отдать, отпустить. Первое будет ближе к корню **щад-** (пощада, щадить), второе – к **щедр-**.

Однако есть и существенная разница. Только в словоформах, идущих от корня ***(s)ked-** есть значение «раздачи», что в процессе исторического развития приводит к возникновению лингвоконцепта «щедрость», в то время как ***(s)ker-** и ***(s)ker-** скорее фиксируют убыток, ущерб («сконец») и конкретно ***(s)ker-** даёт одну из вербализаций антиконцепта **щедрости**, а именно – «скупой». То есть ***(s)ke-** является общим морфологическим элементом – основой как для **щедрости** (**s-ke-dyr-ostь*), так и для **скучности** (**s-kei-p-ostь*).

Наша гипотеза заключается в том, что **-г-** в **праславянском корне *sced-rъ**, если и является суффиксом прилагательного, «склеивается» с корнем, вступает в состояние «диффузии» с корневым **-d-** и образует дополнительное значение, известное по корню «да(р)». Не случайно уже словарь церковно-славянского языка фикси-

рует такие словоформы, как **щедродательный** (**наделяющий щедро**) и **щедродательству** [13, с. 838]. То есть отличие ***(s)ked-** от ***(s)ker-** и ***(s)ker-** прежде всего в значении «раздаривания», «раздачи», что и приводит в конечном итоге к образованию современного значения слова «щедрый».

Иными словами, «щедрый», «скучный» произошли от одного индоевропейского корня в старшем значении «раскалывать», «разбивать», «расщеплять», а следовательно, и «оскучевать». Прилагательное **щедръ** («щедрый») обозначает «человека, помогающего другим, охотно делящегося своими благами с другими», «нескупого», «богатого». Производные от него слова: **щедрость, щедроты, щедро**. То есть щедрый – тот, кто делится. *Расщепляет, отламывает, отделяет от своего и даёт другим. Скупой – делает то же, то есть раскалывает, расщепляет, отделяет, но не делится с другими, оставляет себе. Действие раскалывания, расщепления, таким образом, является лексическим прототипом как для щедрости, так и для скучности и скучности.*

Термин «лексический прототип» (ЛП) раскрывается в работах современных исследователей: Анны Вежбицкой, где он обозначает интуитивно постижимое значение, общее для множества слов какой-либо категории или семантической группы и обнаруживаемое в той или иной форме во всех языках [4, с. 145-146], и И.К. Архипова, где ЛП (содержательное ядро, семантический инвариант), рассматривается как часть лексикона человека, предшествующая всем актуализациям значений в речи [2, с. 110]. «Базовой единицей являются не слова, – утверждает И.К. Архипов, – а ЛП, т.к. помимо несовпадения их содержания с содержанием отдельных ЛСВ слов, их формой являются не комбинации звуков или букв, а лишь образы таких комбинаций» [2, с. 113]. Иначе говоря, ЛП – это ментальный образ, которым кодируется некая типическая ситуация действия, в нашем случае – отражающая определённые архаические практики (рубка, расщепление, собирание сбережение, раздача и др.) и актуализируемая в речи некоторым количеством ЛСВ. Причем каждая ЛСВ в соотношении с ЛП воссоздаёт в языковом сознании коммуникантов всю ситуацию в целом.

Важно отметить при этом, что глагол **щадить**, этимологически родственный прилагательному **щедрый** и существительному **щедрость** сближен с последними в значении «проявлять к кому-нибудь милость, милосердие, прощать кого-л.»; жалеть, беречь, оберегать кого-что-л.» Иначе говоря, родственными являются **«щедрость»** и **«пощада»**.

И.И. Срезневский отмечает гл. **пощадъти** в значении «беречь», «скупиться» [20, с. 1336], а П.Я. Черных указывает на старшее значение для корней ***(s)ked-**, ***scedrъ** и ***(s)kod-** «беречь», «собирать», «экономить» > «прибирать к рукам», отсюда... > «проявлять милосердие» [26, т. 2, с. 429-430].

Данная гипотеза проясняет ещё одну важную словоформу, этимология которой, с одной стороны, отмечается как индоевропейская и исконно русская, с другой – признаётся неясной. Речь идёт о слове **«скатерть»**. Общность значения с лингвоконцептом «щедрый» здесь достаточно очевидна, особенно если обратиться к материалу фольклора, а именно волшебных сказок.

Согласно словарю «Основ духовной культуры», «СКАТЕРТЬ-САМОБРАНКА – мифический образ русских сказок, символизирующий изобилие как вознаграждение за нравственность, ратные подвиги или труды. Это скатерть-хлебосолка, где ни раскинь ее – всегда накормит досыта и очень вкусно... Слово «скатерть» старославянского происхождения, ранее оно обозначало «утирать доску» или «тереть на доске». «Самобранка» же значило – убирать саму себя – уставлять, брать самой все для стола, для угощения главных героев сказок. Сегодня «скатерть-самобранка» употребляется с долей юмора в ситуации неожиданно богатого угощения» [11].

Выделим в этой характеристики следующие семьи, входящие в ассоциативное поле концепта **щедрость**: 1. Изобилие; 2. Вознаграждение; 3. Хлебосольство; 4. Куда ни раскинь (раскинуть – прототипическое значение); 5. Накормить досыта; 6. Богатое угощение.

Что касается этимологии слова «скатерть», то в данном случае представлен не единственный (и, на наш взгляд, не самый очевидный) её вариант. Глагол *тереть*, безусловно, находится недалеко от смыслового гнезда ***(s)ker-** и ***(s)ter-**, но при прибавлении префикса здесь будет развиваться значение *стирать*, *стирка*. Со скатертю трение доски соотносится лишь в общебытовом хозяйственном контексте. П.Я. Черных отмечает связь с глаголом *скатывать* [26, т. 2, с. 167], а последнее возводит к и.-е. корню ***sket-** [26, т.1, с. 387]. Тогда здесь можно предположить оглушение ***sked-**. То есть перед нами значение, довольно близкое к *кидать*, *опрокидывать*, *переворачивать*. А значит, и к исследуемому концепту **щедрость**.

Здесь проясняет значение среднеанглийское – *scateren* (разбрасывать, разбрзгивать, сорить (денегами), расточать) [26, т. 2, с. 431]. То есть по сути те же значения, что у исследуемого нами корня ***scedrъ**, хотя *scateren*, несомненно, восходит к ***(s)ket-**. Но если сравнить в предметной об-

ласти, образы скатерти-самобранки и такого современного гаджета, как skateboard – общая лингвокультурная идея будет просматриваться достаточно хорошо. Общее здесь – значение *раскатывания*, *разворачивания*, *расточения*. Кидать / катить.

Противоположную функцию выполняет **скаредность** (др. рус. – отвратительный) – «отрицательное нравственное качество личности, разновидность жадности. Проявляется как ничем не ограничиваемая скучность, пустое накопительство без смысла и человеческой цели; нежелание поделиться с другими или помочь им; собирательство материальных благ ради владения, но не пользования ими». Это качество, как отмечает В.С. Безрукова в своём словаре, – «в русской культуре всегда резко осуждалось, ассоциировалось с бесстыдством, гнусностью, грязью. Скардных людей называли сквалыгами, скупердяями» [11]. Этимологически *скаред* восходит к тому же и.-е. ***(s)ker-**

Таким образом, семантическое единство **щедрость-скудость-скучность-скаредность** связано старшим значением корня.

Наконец, крайне любопытный материал для размышлений представляет собой современное разговорное употребление формы глагола «скидывать», «скинуть» < «кидать». *Кидать*, как нетрудно убедиться, восходит к тому же корню ***(s)ked** (назальный е здесь как раз обеспечивает чередование н и д: *кинуть/кидать*). Ср. греч. *Σκεδάννυμι* (*skedannumi*) – *рассыпаю, раскидываю*. Поэтому когда сегодняшний пользователь интернета (например, студент) просит адресата (например, преподавателя) «скинуть» учебный материал или документ в «личку», в мессенджер или «на почту», он, пользуясь термином Г.Г. Слышикина [18, с. 60], заходит в «интразону» концепта «щедрость» и призывает преподавателя проявить эту щедрость. «Скидывать» что-либо на электронную почту или не скидывать – это уже, конечно, дело преподавателя. Но поскольку эта коммуникация разворачивается в рамках институционального дискурса, который, по определению В.И. Карабика, иерархичен [9, с. 233-234], такой призыв к щедрости может ощущаться (преподавателем, не студентом, который, как правило, этого не замечает) как некоторое нарушение этической нормы, поскольку щедрость – дело добровольное, а не принудительное, и только «высший» в иерархии в праве решать, по отношению к кому проявлять щедрость или милосердие.

Одной из вербализаций антраконцепта **щедрости** выступает ст.-сл. **АЛЧНОСТЬ**. **Жадность** и **алчность** рассматриваются в современном русском языке как синонимы, хотя это слова разного

происхождения с разным (в чём-то даже противоположным) значением.

Алчность (первоначально: чувство голода) – существительное, производное от прилагательного *алчный* (голодный), в свою очередь производное от существительного *алк* (*алч*) и однокоренное с глаголом *алкати* (голодать, испытывать страстное желание насытиться). Согласно Словарю древнерусского языка, существовало множество форм существительных с основным значением «голод» (алч, алчба, алкота, алкание) [16, с. 80-82].

Этимологический словарь А.Е. Аникина возводит форму слова алчности к праслав. **olkati*: Алчность < Алкать: *голодать, быть голодным, томиться голодом, поститься, сильно хотеть есть, кн-слав* *страстно желать, жаждать, иска*ть. Прасл. *olkati*, откуда же и ст.-слав. лакати – голодать. **olkotъ* – лаком(ый). Альч – ст.-сл. *голод* [1, с. 161].

Итак, существительное *алчность* происходит от прилагательного *алчный* и глагола *алкать* далее из праслав. **olkat-*, от кот. в числе прочего произошли: ст.-слав., русск.-церк.-слав. алькати, др.-русск., русск.-церк.-слав. локати, лож (λάπτειν), русск. лакать. Учитывая стандартную структуру индоевропейского корня (С-В-С), первичной должна являться форма Л-О/А-К, а форма О/А-Л-К – результат метатезы.

Это подтверждают данные большинства славянских языков. Ср.: укр. локати, белор. лόкаць, болг. лόча, лóкам, сербохорв. лóкати, лóчём, словенск. lókati, lóčem, чешск. lokat, словацк. lokať, польск. łokać, łoczyc. Согласно М. Фасмеру, исконной формой церк.-слав. *алкать* является русское *лакать* [25, т. 1, с. 71; т. 2, с. 452]. Автор этимологического словаря считает, что корень восходит к праиндоевропейской звукоподражательной форме, но, мы полагаем, что это совершенно необязательно. Наличие родственных форм в других индоевропейских языках (например, лит. *lakū, lakti* «лизать, лакать языком», латышск. *lakt, laku, lūoksi* «лакать», итер. *lakāt, -ājigrech.* λάπτω «лижу, хлебаю», армянск. *lakem* «лижу; [25, т. 2, с. 514] показывает устойчивость корневой структуры, чего, как правило, не бывает при звукоподражании, которое сильно различаются в разных языках.

В этимологическом словаре А.В. Семенова приводятся современные синонимы к слову алчный: *все мало, глаза завидущие руки загребущие, жадный, загребистый, загребущий, корыстный, корыстолюбивый, ненасытный, несътый, руки загребущие, сребролюбивый...* [15].

Таким образом, корень **lok*, и форма **lokat* являются преобладающими и первичными, недвусмысленно связывают свойство алчности с про-

цессом *лакания/лизания*, то есть специфической формы поглощения еды или жидкости. Излишняя торопливость в этом процессе (наблюдаемая особенно у животных: кошки, собаки, лошади и др.) вызывает ассоциацию с животной жадностью, стремлением быстрее и в первую очередь насытить себя, меньше оставить другим. Достаточно устойчивым является словосочетание «жадно вылакать». Словарь русского языка отмечает переносное значение глагола «вылакать»: перен. груб. прост.: *Выпить всё или какое-л. количество (о человеке).* – *В первый раз в дом приехал, а целый графин рому да пять рюмок водки вылакал!* Салтыков-Щедрин, «Пошехонская старина» [17].

Пример аналогичного словоупотребления находим в комедии А.П. Чехова «Вишневый сад». Наиболее «отрицательный», то есть вызывающий авторскую и зрительскую неприязнь персонаж, пошлый и грубый лакей Яша выпивает тайком бутылку шампанского, которую Лопахин заготовил на «торжество» прощания с домом и садом. Когда Раневская уговаривает его сделать наконец предложение Варе, он неожиданно соглашается:

Лопахин. Кстати и шампанское есть. (Поглядев на стаканчики.) Пустые, кто-то уже выпил.

Яша кашляет.

Это называется **вылакать** [27, с. 246].

Просторечное *вылакать*, которое здесь использует Лопахин, характеризует, с одной стороны, и его как грубого человека, «мужика», но в первую очередь содержит моральную оценку Яши как крайне невоспитанного и *жадного* человека, который думает только о себе.

Ср. также в рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»:

«...Или идти в столовую собирать миски со столов и сносить их горками в посудомойку – тоже накормят, но там охотников много, отбою нет, а главное – если в миске что осталось, не удержишься, начнешь миски лизать. А Шухову крепко запомнились слова его первого бригадира Кузьмина – старый был лагерный волк, сидел к девятым сорок третьему году уже двенадцать лет и своему пополнению, привезенному с фронта, как-то на голой просеке у костра сказал:

*- Здесь, ребята, закон – тайга. Но люди и здесь живут. В лагере **вот кто подыхает: кто миски лижет**, кто на счастье надеется да кто к куму ходит стучать»* [19, с. 7-8].

Лизать миски здесь – также проявлять алчность, жадность, думать только о себе. Это не просто нарушение неписанных этических норм для заключенных – это путь к нравственному падению, так как за этим читается потеря чувства собственного достоинства, оживотнивание, оскотинивание.

Таким образом, если *щедрость* является изначально свойством Творца, затем нормой аристократической этики, а в настоящее время – этическим концептом, характеризующим русскую культурную идентичность [23, с. 48], то *алчность* (и другие вербализации антиконцепта щедрости) осуждается как в дворянской, так и в русской народной культуре – в том числе в зональной (тюремной) субкультуре. За этим стоит уподобление скоту, нравственная гибель, нельзя допускать, чтобы алчность/жадность владела человеком, это ведёт к утере лица, личности.

Следующий семантический пласт концепта *алчность* связан с *лапаньем*, то есть хватанием, лапой, локтем (часть руки от локтевого сустава до кончиков пальцев – слово этимологически родственное *лакать*). Если *лакание* антропологически закреплено в области рта, губ и языка, то жадное *хватание, лапанье, загребать лапой, давать на лапу*, – связано с рукой.

Берущая, загребающая рука – ещё один прототипический образ алчности. Ср. «лапой загребать», груб. простореч.: «убери лапы».

Выводы

Итак, объединяющей идеей («эйдосом» [12], в платоновском смысле) здесь является **концепт-схема рука**, представляющая собой семантический прототип как для лингвоконцепта *щедрость*, так и для различных презентаций его антиконцепта.

Слова любого языка имеют одно, два или более значений, связанных между собой определенными структурами. Несмотря на многозначность, слово

представляет собой *семантическое единство* (совокупность значений слова), которое также называется семантической структурой слова. С.Г. Воркачеву принадлежит мысль сблизить различные лингвоконцепты, образующие дуальные или градиентные связи, с общефилософской, конкретно платоновской категорией *идеи*: «Идея – диалектически развивающаяся семантическая сущность, источник её развития заключается в присутствии отрицающих её категориальных противоречий: вместе с «тезисом» в ней содержится и «антитезис», вместе с «концептом» и «антиконцепт» [5, с. 54-55].

Таким образом, семантическое единство **«щедрость» и «алчность»** содержит в себе схему, абстрактное представление о раздающем, тратящем, где можно выделить конкретные антропоморфные детали: руку (ср.: «щедрая рука»), некое изобилие вещей или ценных предметов («щедроты»); также в зачаточном виде данный концепт содержит эмоции и переживание радости, счастья, благодарности, умиления.

Лингвокультурные концепты *щедрый* и *алчный* имеют общий семантический прототип, который схематично можно представить в виде протянутой руки. Различие заключается в том, что в значении *щедрость* рука *даёт, раздаёт*; тогда как в значении *алчность* рука *берёт, загребает, захватывает*, что может выражать чувство голода или жажды. Тем самым обеспечивается семантическое единство практических всех лексем, связанных с данным прототипом.

Список источников

1. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1. (а – аяюшка) / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. 368 с.
2. Архипов И.К. Язык и языковая личность: учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный дом», 2008. 248 с.
3. Большой норвежско-русский словарь: в 2 т. Т. II: N – A. – М., 2003. 560 с.
4. Вежбицкая А. Лексические прототипы как универсальное основание межъязыковой идентификации «частей речи» // Семантические универсалии и описание языков: пер. с англ. А.Д. Шмелева, под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 134 – 171.
5. Воркачев С.Г. Studia selecta: избранные работы по теории лингвокультурного концепта. М.: Флинта, 2015. 168 с.
6. Голембовская Н.Г. Национально-культурные особенности вербализации антиномии «жадность – щедрость» русскими и литовскими паремиями // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкоzn. 2013. № 1 (17). С. 175 – 179.
7. Дмитриева Н.М. Этические константы русской языковой картины мира : диахронический аспект : диссертация ... доктора филологических наук. Москва, 2023. 423 с.
8. Долевец С.Н. Динамика морально-этических концептов СКУПОСТЬ и ЩЕДРОСТЬ в русском литературном языке XIX – начала XXI веков. Ростов-на-Дону, 2008.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. 390 с.
10. Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х т. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1998. Т. III.
11. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) Составитель: В.С. Безрукова, Екатеринбург, 2000. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/spiritual-culture/fc/slovar-209-4.htm#zag-2017> (дата обращения: 25.08.2024)

12. Платон. Менон: пер. С.А. Ошерова. Платон. Собрание соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1990. С. 575 – 612.
13. Полный церковно-славянский словарь / Сост. Протоиерей Г. Дьяченко. М.: Отчий дом, 2009 (репринтное воспроизведение издания 1900 г.).
14. Потебня А.А. Мысль и язык / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / под ред. В.П. Нерознака. М., 1997.
15. Семёнов А.В. Этимологический словарь русского языка. URL: <https://rus-etmo-semenov-dict.slovaronline.com/803> (дата обращения: 08.09.2024)
16. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. Гл. ред. Р.И. Аванесов. М., 1988. Т. 1. 526 с.
17. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия): Фундаментальная электронная библиотека.
18. Слыскин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
19. Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича / Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1: Рассказы. 1958. 1999. М., 1999. 624 с.
20. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. 2, ч. 2. П.-М.: Книга, 1989.
21. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). М.: Рус., яз., 1994. 842 с.
22. Степанов Ю.С. Константы : Словарь русской культуры. М.: Акад. Проект, 2001. 990 с.
23. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, 1999. 320 с.
24. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007. 1175 с.
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1.: А-Д... М.: Астрель: ACT, 2009. – 588 с. Т. 2. Е – Муж... 671 с. Т. 4: Т – Ящур... 860 с.
26. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1: А – Пантомима. М.: Рус. яз. Медиа; Дрофа, 2009. 621 с. Т. 2: Панцирь-Ящур. 559 с.
27. Чехов А.П. Вишнёвый сад / Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения. Т. 13. М.: Наука, 2008.

References

1. Anikin A.E. Russian Etymological Dictionary. Part 1. (a – ayayushka). Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences. Moscow: Manuscript Monuments of Ancient Rus, 2007. 368 p.
2. Arkhipov I.K. Language and Language Personality: A Textbook. St. Petersburg: OOO Knizhny Dom, 2008. 248 p.
3. Comprehensive Norwegian-Russian Dictionary: in 2 volumes. Vol. II: N – A. – Moscow, 2003. 560 p.
4. Vezhbitskaya A. Lexical Prototypes as a Universal Basis for Interlingual Identification of “Parts of Speech”. Semantic Universals and Description of Languages: Translated from English by A.D. Shmelev, Ed. by T.V. Bulygina. M.: Languages of Russian Culture, 1999. P. 134 – 171.
5. Vorkachev S.G. Studia selecta: selected works on the theory of the linguocultural concept. M.: Flinta, 2015. 168 p.
6. Golembovskaya N.G. National and cultural features of the verbalization of the antinomy "greed – generosity" in Russian and Lithuanian proverbs. Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 2, Yazykozn. 2013. No. 1 (17). P. 175 – 179.
7. Dmitrieva N.M. Ethical constants of the Russian linguistic picture of the world: diachronic aspect: dissertation ... Doctor of Philology. Moscow, 2023. 423 p.
8. Dolevets S.N. Dynamics of moral and ethical concepts of STINGINESS and GENEROSITY in the Russian literary language of the 19th – early 21st centuries. Rostov-on-Don, 2008.
9. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse. Moscow: Gnosis, 2004. 390 p.
10. New Big English-Russian Dictionary: in 3 volumes. 3rd ed. Moscow: Rus. lang., 1998. Vol. III.
11. Fundamentals of spiritual culture (encyclopedic dictionary of a teacher) Author: V.S. Bezrukova, Yekaterinburg, 2000. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/spiritual-culture/fc/slovar-209-4.htm#zag-2017> (date of access: 25.08.2024)
12. Plato. Meno: trans. S.A. Osharov. Plato. Collected works: in 4 volumes. Vol. 1. Moscow, 1990. P. 575 – 612.
13. Complete Church Slavonic Dictionary. Comp. Archpriest G. Dyachenko. Moscow: Otchий дом, 2009 (reprint reproduction of the 1900 edition).

14. Potebnya A.A. Thought and language. Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text: Anthology. edited by V.P. Neroznak. M., 1997.
15. Semenov A.V. Etymological Dictionary of the Russian Language. URL: <https://rus-etmo-semenov-dict.slovaronline.com/803> (date accessed: 09/08/2024)
16. Dictionary of the Old Russian Language (11th-14th centuries): in 10 volumes. USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Language. Ed.-in-chief R.I. Avanesov. M., 1988. Vol. 1. 526 p.
17. Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. RAS, Institute of Linguistic Studies; edited by A.P. Evgenyeva. 4th ed., reprinted. M.: Russian language; Polygraphresources, 1999; (electronic version): Fundamental Electronic Library.
18. Slyshkin G.G. Lingvocultural concepts and metaconcepts. Volgograd: Peremen, 2004. 340 p.
19. Solzhenitsyn A.I. One Day in the Life of Ivan Denisovich. Collected Works: in 9 volumes. Volume 1: Stories. 1958. 1999. Moscow, 1999. 624 p.
20. Sreznevsky I.I. Dictionary of the Old Russian Language. Volume 2, part 2. P.-M.: Kniga, 1989.
21. Old Church Slavonic Dictionary (based on manuscripts from the 10th-11th centuries). Moscow: Rus., lang., 1994. 842 p.
22. Stepanov Yu.S. Constants: Dictionary of Russian Culture. Moscow: Acad. Project, 2001. 990 p.
23. Stefanenko T.G. Ethnopsychology. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 1999. 320 p.
24. Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information on the Origin of Words. Ed. N.Yu. Shvedova. Moscow, 2007. 1175 p.
25. Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. Vol. 1.: A-D... Moscow: Astrel: AST, 2009. – 588 p. Vol. 2. E – Male... 671 p. Vol. 4: T – Foot-and-mouth disease... 860 p.
26. Chernykh P.Ya. Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: in 2 volumes. Vol. 1: A – Pantomime. Moscow: Rus. language Media; Bustard, 2009. 621 p. T. 2: Shell-Foot and Mouth Disease. 559 pp.
27. Chekhov A.P. The Cherry Orchard. Complete collection of works and letters in thirty volumes. Essays. T. 13. M.: Nauka, 2008.

Информация об авторе

Светлова С.В., преподаватель, Кубанский государственный технологический университет,
svet_laya_87@mail.ru

© Светлова С.В., 2025